

2007 ГОД — ГОД РУССКОГО ЯЗЫКА

Т.А. ШИМАНЬСКА,
библиотекарь Государственного дворца творчества юных,
Санкт-Петербург

«В начале было слово...»

ОТ АВТОРА:
Уважаемая редакция! В Год русского языка, я думаю, полезно обратить внимание детей и взрослых не только на защиту и сохранение языка, но и на его происхождение, на отношение к слову в народной культуре, на его историко-этнические корни.

«Русский язык — это начало идентичности русского человека,

его души, выражения основ культуры», — так определили значение русского языка в «Обращении к Президенту В.В.Путину» ученые и писатели — участники круглого стола «Литература и образование в современной России», который состоялся недавно в Москве. В этой связи обращение к традициям, связанным со значением слова в русской культуре, трудно переоценить. Ведь само название «Славяне», по мнению

ряда ученых, произошло от слова «Слово». «Славянин» значит «говорящий четко, ясно». Уже одно это свидетельствует об особом отношении к слову наших предков. Слово, а также его составляющие — буквы, голос и звук — наделялись сакральным смыслом.

С уважением —
ШИМАНЬСКА Татьяна
Александровна, библиотекарь
Государственного Дворца
Творчества Юных.

ОТНОШЕНИЕ К СЛОВУ В ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ И ОТРАЖЕНИЕ ЭТОГО В ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Что такое «слово»? В словаре С.И. Ожегова читаем: «Слово — единица языка, служащая для называния отдельного понятия. Самая речь, способность говорить».

Словарь В.И. Даля отмечает: «Слово — это и разговор, и беседа («о чем у вас слово?»); и речь («взял слово»); и сказание («Слово о полку Игореве»); и рассуждение («Слово о русском языке»); и обещание («Даю тебе слово»); и заклинание («Он против лихорадки слово знает»); «Он за словом в карман не полезет» — значит находчивый. «Говорит, будто слово слову костыль подает» — значит нескладно. «Словечка не проронил» — значит слушал внимательно. «Без слова отдал» — значит не споря. «Он, слов нет, хороший человек» — значит вправду, на самом деле»...

Словом, здесь всего не перечислишь.

Роль слова во всех его разнообразных значениях в сохранении традиций культуры народа

трудно переоценить. А вот каково было отношение наших предков к самому **слову** и его составляющим — букве, голосу, звуку — об этом известно не много. Этой проблеме и посвящена данная статья.

ОТНОШЕНИЕ К БУКВАМ АЛФАВИТА ИЛИ «ОТ АЛЬФЫ ДО ОМЕГИ»

Существует версия, что символика букв уходит корнями к тайным знаниям. Древние посвященные школы подчас тысячелетиями совершенствовали свои знания и передавали их из поколения в поколение. Но каждая из школ стремилась сохранить свои знания на века, пусть в скрытом виде отправить корабль открытой ими истины в вечность — так, символы знаний закладывались в образы, знаки, символы — носители информации.

Не вдаваясь сейчас в тему изобретения славянского алфавита, времени его распространения, развития письменности вообще, и на Руси в частности, из всего возможного многообразия трактовок алфавита для подтверждения нашей мысли о сакральном отношении к алфавиту вы-

берем только узкую тему его христианской символики.

1. Основа христианского сакрального отношения к букве (алфавиту) лежит в Апокалипсисе: «Аз есмь альфа и омега, начаток и конец, первый и последний».

Отталкиваясь от этого изречения, видим, что алфавит в целом или представляющие его первая и последняя буквы, выражал в народном сознании идею цельности, полноты, завершенности, основу и суть мудрости.

2. Само начертание букв старославянского алфавита базировалось на сочетании христианских символов:

- креста (символа Иисуса Христа)
- треугольника (символа Св.Троицы)
- круга (символа Бога Отца).

3. Бытовала «Азбучная молитва» — славянский акrostих, в основу которого положен алфавит. Известны многие Новгородские берестяные грамоты, на которых написана азбука, датированные 1-й половиной XI века: они играли роль «умилостивительной жертвы», наряду с алфавитами, выбитыми на камне или на металле.

Особым образом использовались отдельные буквы алфавита в старинных славянских заговорах-молитвах «от болезни зубной», «от бесного пса» и т.п. Рядом с начертанным крестом писались четыре одинаковые буквы СССС («Спас сотвори свет сатане»), ДДДД («Добро древо дьяволу досада»). Известны аббревиатуры, состоящие из разных букв, например: ЕОДК («Елена обрете древо крестное») и т.п.

4. Сакральному восприятию алфавита соответствовало также представление о божественном происхождении славянского письма. В житии Константина Философа (до 885 г.) о буквах говорится: «Вскоре открыл ему их Бог, что внимает молитвам рабов своих, и тогда сложил письменна».

«ГЛОТАНИЕ» СЛОВ ИЛИ «ПРОГЛОТИЛ ЗА НОЧЬ КНИГУ»

Название вещи в народном сознании было не просто названием, а эквивалентом самой вещи («Если не называть запретную пищу именем, то пищи как бы не существует» — т.е. в пост можно есть скоромное, если не называть скоромное). Если слово — суть вещи, то, соответственно, буква — суть слова. Известен случай, что крестьяне, когда лекарь выписывал им рецепт с названием лекарства, вместо того чтобы идти и покупать его, смывали водой буквы и выпивали эту

воду в полной уверенности, что выпили именно само лекарство. (Кстати, для освоения грамоты надо было причаститься яблоком, на котором был начертан крест и вокруг написана полная славянская азбука.)

Мотивом «проглатывания» слов объясняются и наговорные обычаи. Проглатывая нашептываемую воду или пищу, принимаешь в себя, закрепляешь.

Рудиментом этого верования служит современный новогодний обычай исполнения желаний — чтобы желание исполнилось, нужно, написав его, сжечь, размешать пепел с водой и проглотить. Про студента, за ночь прочитав-

шего учебник, мы говорим «проглотил книгу». Когда говорили «когда я ем — я глух и нем», то объяснение этого правила лежало не в боязни людей поперхнуться (как «утилитарно» объясняем это мы сегодня), а в боязни проглотить негативное слово. Повторюсь, что по традиционному представлению пища, как и жидкость — вода, напиток, вино — может впитывать произнесенную над ней информацию, а употребляя это внутрь, мы эту информацию принимаем «в самое нутро». Поэтому во время еды и не разговаривали. В монастырях во время трапезы читали Библию. А современные экстрасенсы не рекомендуют во время приема пищи смотреть телевизор или слушать радио, где информация идет, в основном, негативная.

На способности воды (жидкости) впитывать информацию базируются и наши обычаи производить тосты. В них можно усмотреть параллель с наговором, нашептыванием бабушек-знахарок. Мы говорим: «За здоровье!» и, выпивая, верим, что исполнится.

Считалось, что заставить себя полюбить девушка может, если дать отведать избраннику пряник, над которым произнесли определенный

заговор и сила этого «подарка» именно в слове.

Кстати, при посвящении девочки в пряжи нужно было сжечь первую выпряденную нитку, а пепел размешать в воде и выпить, чтобы принять вовнутрь, «проглотить» умение прядения.

ГАДАНИЯ ПО БУКВАМ, ЗВУКАМ, СЛОВАМ

Христианство не поощряет гадание, запрещая знать человеку о своей дальнейшей судьбе. Но многие люди в старину, да и теперь, все же гадают. На основе сакрального отношения к алфавиту, к слову базируются так называемые «буквенные» гадания. Их существует несколько видов:

◆ *алектриомантия* («алектрион», греч. — петух) — держа белого петуха, громко произносили буквы алфавита, ожидая, на какую из них тот отзовется криком. На Руси, например, таким способом определяли имя вора;

◆ *библиомантия* — гадание на любой книге — основывается на случайном выборе текста и трактовании его. Либо вкладывались записочки с вопросом в книгу или вопрос (в случае неграмотности гадающего) задавался устно. В книгу вкладывали ключ с привязанной к нему веревкой. Держали книгу за веревку, если она начинала вращаться, то это указывало на положительный ответ;

◆ *сикомантия* («сикос», греч. — инжир) на листе дерева писали вопрос. Лист отрывали. Если он долго не засыхал — значит, ответ благоприятен;

◆ *астрагиромантия* («гиризо», греч. — вертеть, вращать) — гадание с помощью волчка,

границ которого снабжены буквами. Самый простой волчок — картонка с воткнутой в середину спичкой;

◆ *беломантия* («белос», греч. — стрела) — древнейшее гадание с помощью бросания или балансирования стрелы. Брали, например, три стрелы. На одной писали «приказываю», на другой — «запрещаю», третью оставляли без надписи. Затем вытягивали одну из них для получения ответа о задуманном предприятии. Стрела без надписи указывала, что гадание надо повторить. Стрелы вытягивались либо выпускались в воздух, чтобы выбрать направление, например, пути войска. (Не это ли гадание является началом сказки «Царевна-лягушка»?)

Стрелы брали с тупыми концами, без перьев;

◆ *гиромантия* («гирос», греч. — кружусь) — гадание по кругу, выложенному из букв. Гадающий ходит по кругу, пока не споткнется у определенной буквы.

К «буквенным» гаданиям близки гадания, связанные с толкованием звуков. Гадающие ходили «слушать» на перекрестки, к проруби, к колодцу, выходили за порог дома: лай собаки указывал, с какой стороны прибудет жених, колокольный звон или стук топора предсказывали беду или смерть, скрип телеги — дальнюю дорогу и т.п. Нужно было не только услышать, но и правильно «прочитать» звуки.

«Семиотизация» звуков лежит и в основе многочисленных примет. Широко известно разгадывание голоса. В большинстве случаев голос, услышанный человеком в некоторые праздники (на Рождество, Пасху, Купалу), предвещает ему смерть. То же значение придается сну, в котором человек якобы слышит чей-то голос. Девушке подслушанный мужской голос предвещает замужество, а направление, откуда он слышен, — место, где живет будущий жених.

Большой популярностью у всех славян пользовались и гадания по словам, к которым относится обычай подслушивать чужие слова и истолковывать по отношению к себе. Например, сразу после Рождественского ужина девушки бежали к окну соседнего дома, стараясь услышать речь хозяев: такие слова как «иди», «возьми», «спеши», «скорее» означали скорое замужество. «Сядь», «останься», «не ходи» — девичество. Девушки гадали и по словам прохожих, стоя у ворот своего дома. Гадающие могли и сами спросить имя первого встречного, чтобы узнать имя будущего супруга.

ЗАПРЕТЫ НА ПРОИЗНЕСЕНИЕ СЛОВ, ИЛИ «СЛОВОМ МОЖНО УБИТЬ, СЛОВОМ МОЖНО СПАСТИ...»

Итак, бытовали верования, связанные с сильным воздействием на человека слова. В связи с этим существовали и правила поведения со словом, соблюдая которые проживешь долго и счастливо, и, наоборот, не выполняя которые, навлечешь на себя всевозможные несчастья.

Чаще всего, эти правила выражались в запретах (табу).

1. Табу некоторых слов

К примеру, большим грехом считается чертыхание, которое почиталось причиной многих болезней. «Черт ведь так и норовит ухватить за язык не только того, кто говорит, но и кто уши развесил». Поэтому при произнесении этого (или услышав), надо было креститься или хотя бы отплеиваться.

2. Табу места

Нельзя ругаться за столом. «Стол — что в алтаре престол», — говорили в старину. К столу нужно было относиться как к алтарю в церкви: нельзя было бегать вокруг стола, класть на него посторонние предметы (шапку, например), садиться на стол, и, в частности, ругаться за столом. «Эх, сказал бы дурное слово, да стол в доме мешает», — говорил крестьянин. Если уж очень хотели поругаться, то выходили в помещение, где стола не было. Этот запрет, возможно, служил содействию мира, лада в крестьянской семье.

3. Табу времени

Нельзя ругать себя или других в неурочный час. Когда наступает этот час, «неровен час», еще называли — «дурной час»? К этому времени относились моменты перед восходом и заходом Солнца, время, когда служба идет в церкви, время полдня.

Слово, «брошенное на ветер», в этот момент может исполниться. Особенно опасным считалось слово, сказанное «в сердцах», агрессивно. К таким опасным словам относится проклятье. «Проклятье — от него не уйдешь, не уедешь, и долго ли, коротко ли, а покарает». По поверьям проклясть человека можно и «на срок», и «на век»: «Кои на срок, не на век прокляты, дак те возвращаются, а как проклянет matka на веки вечные — тут уж они тебя, лешие, нипочем не отпустят, хоть что давай». (По народным представлениям, дочь, проклятая матерью, превращается в лягушку. Лягушка содержит в себе душу этого ребенка. Это поверье возникло из-за того, что

крик раненой лягушки очень похож на крик ребенка. В связи с этим убить лягушку считалось дурным знаком. Не это ли поверье легло в основу сказки о «Царевне-лягушке». Проклятая «на срок» девушка становится женой героя сказки. До освобождения остается три дня. Но муж, не зная этого, сжигает шкурку, и девушку уносит Кощей Бессмертный в свое царство).

Если словом можно нанести вред, то этим же «оружием» можно этот вред и снять. Здесь мы имеем в виду в первую очередь силу слов молитвы. Молились утром (при пробуждении), перед обедом, после обеда, перед ужином и после него. Утром и вечером — перед иконами. В остальное время — не обязательно перед иконами. Старались молиться так, чтобы другие не видели. Принято было молиться вслух. Казалось бы, какая разница Господу — он ведь и мысли слышит, так зачем вслух? Но именно «звук слова», проявленное — не только подуманное, а сказанное слово — считалось действенным.

Особенно сильной считалась молитва материнская. «Материна молитва до дна моря достанет». Тема молитв и их влияния на психику человека — особая, большая, глубокая... Но так как она не является главной темой нашей работы, подытожим значение молитвы стихотворением:

В молитвах свой особый знак,
У них особые частоты,
И коль их вслух произносить —
Выводят звуки нечистоты.
В дальнейшем сложный механизм,
И если сможете, проверьте,
Молитвы многим помогли
И от болезни, и от смерти.

4. Табу рассказывания и загадывания

Существовал временной запрет и на рассказывание сказок и загадывание загадок в неурочное время. Например, рассказывание сказок могло быть только в Святки. Это святочное развлечение имело ритуальный характер: огласовка традиционных представлений об устройстве мира, содержащихся в сказочных текстах, оказывало продуцирующее действие на формирование мира в реальности. Подобно закону сказочной действительности: «Сказано — сделано» — во время рассказа реализуется архаичное представление о возможной материализации слова, произносимого в благоприятной пространственно-временной ситуации. А Святки были именно таким периодом. Сказочное говорение, подобно произнесению других обрядовых текстов, представляет собой речевую деятельность, оказывающую магическое воздействие на реальную действительность. Сказка являлась конкретным вариантом сохраняемой традицией «картины мира». Чем больше рассказывалось сказок в святочные вечера — тем надежнее была защита дома от напастей в последующий период. «Семь сказок за вечер расскажешь — семь «обручев железных» вокруг дома обведешь: никакая нечисть не проскочит».

Загадывание загадок носило такой же ритуальный характер, что и рассказывание сказки, т. е. идею формирования миропорядка. И, соответственно, приурочивалось только к Святкам. Построенные на приемах иносказания, сравнения, метафоры, аллегории, загадки содержат закодированную информацию о явлениях природы, свойствах предметов, которые должны упорядочиться.

Вот, к примеру, одна из святочных загадок:

- Что-то бежит, а без ножье?
- Вода бежит, а без ножье.
- Что-то летит, а без крылья?
- Снег летит, а без крылья.
- Что-то растет* без коренья?
- Камень растет без коренья.
- Что-то цветет без нацвету?
- Девка цветет без нацвету и т.д.

Отгадки предполагают знание устройства мира, признаков природных явлений, сведения о которых передаются из поколения в поколение.

Подчеркивает магическое значение загадок и тестов сказок система запретов на их произнесение в неурочное время. Этот запрет связывался с опасностью, в частности, для молодняка скота — считали, что при нарушении данного запрета коровы не будут возвращаться с поля

домой, волк их может задрать и т.д. Так же при произнесении загадки не вовремя человек может заблудиться в лесу.

Итак, неблагоприятные последствия нарушения запрета возникают как реакция на несвоевременность произнесения загадок, отражающих в том или ином ракурсе вопросы мироустройства. Слово, подобно действию, совершенному в неурочное время, вносит дисбаланс на установленный уже на данный годовой цикл миропорядок. Поэтому если загадывание загадок и рассказывание сказок преждевременно в летнее время или в рождественский пост, то в период святок проговаривание тестов, огласовка содержащихся в них основ продуцирует их реализацию в подходящий момент.

«МОЛЧАНИЕ — ЗОЛОТО...», ИЛИ «ПОЧЕМУ МОЛЧИТ РУСАЛОЧКА?»

Не случайно бытует поговорка: «Слово — серебро, молчание — золото». Молчание ценилось выше говорения. В частности, существовала примета: кто первым после венца заговорит, тот будет младший, т.е. подчиненный в семье.

При говорении человек как бы растрчивал жизненную силу, расставался с живой частью самого себя. Такой человек наверняка закончит истощением жизненной энергии и расстройством организма. Существовало правило: «Говоришь — силу теряешь». (Вот почему передача знаний от знающих к познающим обычно совершалась через рассказывание — пожилыми и старыми людьми, которым «и терять нечего».)

Слово понималось как «продолжение» человека. Это поверье объясняет заботу о «сохранении» слова — бережном «расходо-вании» запаса слов. В связи с чем традиционным было негативное отношение к болтливости.

В повествовании, записанном на Рязанщине, проклятая отцом королева пребывает внутри крепостной стены, откуда выходит каждые семь лет «в человеческом образе». Она просит солдата-часового купить ей крест и следовать за нею: «Будут тебя страшать — не бойся никого, будет огонь и вода — не бойся ничего. Только иди за мною, а вон выйдешь, не говори, пока я не заговорю!». Взошли они в подвал — страшат его — он промолчал, с обеих сторон пламя на него огненное пышет, потом река, ветер и волны. Прошел он и огонь и воду, а сам молчит. Выходят из подвала, впереди большой мост. Пошли по мосту: на конце моста нечистые духи сорвали башмачок с девушки. Он только сказал: «Сударыня, башмачок потеряли!» И не стало ее в тот же миг.

* Старое написание

И если молчание Элизы, срочно изготавливающей рубашки из крапивы для своих братьев-лебедей в сказке бр. Гримм, или просьбу о молчании королевы из Рязанской сказки, или обетное молчание монахов, возможно, объясняется этой причиной «аккумуляции» своей силы в противоборстве со злыми силами, то молчание Русалочки, превращенной в человека в сказке Андерсена, имеет и другое объяснение.

Герои вышеназванных сказок сами, в свою очередь, подверглись действию слова (заговором превратили Русалочку в девушку, заговором превратили 12 братьев в лебедей, проклятая королева русского повествования — жертва проклятия, т.е. тоже слова). А «клин клином вышибают», т.е. воздействие слова можно победить воздействием другого слова. Другое слово может разрушить чары (уже упоминаемая нами молитва, например). Возможно, что герои сказок, подвергшиеся словесному воздействию, либо молчат сами до поры до времени, либо велют молчать другим, чтобы чары раньше срока не разрушились.

Нужно в скобках сказать и о негативном традиционном отношении в крестьянской среде к немым людям как неким представителям «иного» мира, представители которого не умеют говорить, а только ухать, хлопать, стонать, выть, свистеть и т.д.

На основании вышеизложенного, молчание Русалочки мы можем объяснить тремя причинами. Через молчание она:

- 1) аккумулялировала свою силу;
- 2) не нарушала силу заговора, которому подверглась;
- 3) являлась представителем «иного мира», который характеризуется бессловесностью.

Собственно ритуальное молчание у человека являлось отличительной чертой поведения в пограничных ситуациях — контакте с нечистой силой, «иным» миром, переходных обрядах и т.п.

ЗНАЧЕНИЕ ГОЛОСА, СЛОВА В ОБЯДЕ, ИЛИ «БЕЗ ГОЛОСА НЕТ И КОЛОСА!»

В обрядах, праздниках магические и ритуальные функции приписываются лишь голосу, так или иначе маркированному: крику, пению или нарочито измененному голосу (например, голошение — ритмизированное причитание по умершему, по девичеству, при взятии в рекруты, плач невесты перед свадьбой). Человек с помощью такого нарочито измененного слова вводил себя в определенное состояние, помогающее пережить, преодолеть ситуацию.

Особое значение придавалось громкому голосу.

Голос человека является существенной приметой «этого» мира, в то время как мир «иной» отмечен печатью беззвучия. В славянских заговорах болезни изгоняют туда, «где не поют петухи, не блеют овцы, не поют девушки» и т.п. Во время похорон и поминок их участники общаются зачастую шепотом, в доме, где кто-нибудь умер, в течение года не поют и не веселятся. В случае смерти пастуха, с коров и овец снимают колокольчики, чтобы стадо «онемело». Время смерти Иисуса Христа отмечено молчанием колоколов.

Чтобы отделить себя от «иного» мира — не проявленного, невидимого, неслышимого, — нужно войти к нему в оппозицию. Звук — молчание, слышимое — неслышимое соотносилось с оппозицией человек — нечеловек, свое — чужое, в конечном итоге, жизнь — смерть. Во многих славянских традициях о рождении ребенка сообщают криком, громким голосом или стрельбой. В новогодних обрядах эти же звуки отпугивают нечистую силу или несчастья. Родственники умершего, вернувшись с похорон домой и желая уберечь себя от смерти, при входе в дом произносят громко несколько слов и лишь затем переходят на шепот.

Повсеместно у славян получает негативную оценку любое отступление от правильного голо-со-ведения во время того или иного обряда. Так, если невеста во время свадьбы охрипнет или лишится голоса, если сорвется голос во время

свадебного венчания у кого-то из поющих в церкви — все это сулит впоследствии смерть одного из новобрачных.

Несчастья постигнут человека и в том случае, если во время исполнения адресованной ему колядки обходники сфальшивят или соврут.

В народной культуре голос осознается как нечто вполне материальное, подверженное влиянию и само могущее стать инструментом воздействия. Об этом, в частности, свидетельствует сказочный мотив перековывания голоса. В сказке «Семеро козлят» мать-не-мать узнается козлятами именно по голосу: «Нет, не матушкин это голосок и не так она причитает», волк «перековывает» голос и принимается козлятами за «своего». Изменение голоса, как правило, маркирует перемену некоего статуса или состояния.

Голос мыслился отчуждаемым от человека. Обладательницы хороших голосов стараются не петь после захода солнца, поскольку ведьмы могут отобрать его у них.

Голос иногда выступает как вместилище души и силы человека и потому является предметом посягательства нечистой силы. Леший таким образом отбирает силу человека, после чего тот медленно умирает.

Интенсивный, звучный голос соотносился с представлением о силе, здоровье и удаче (вспомним «Джельсомино» Дж. Родари). В Юрьев день громко разговаривали возле скотины, чтобы она была здорова. Крестьяне при квашении капусты голосисто, громко «гукали» над бочкой, чтобы капуста удалась и была удачной.

Голосу придавалось также продуцирующее значение. Во многих славянских традициях в один из весенних праздников люди, собравшись на возвышенных местах, начинали громко петь или кричать. Считалось, что там, где слышен их голос, град не побьет посевы, лучше уродится хлеб и вообще урожай: «Где нет голоса, не будет и колоса!», — а также звери не тронут скот, холодный туман не повредит всходам, там не будет змей, на такое расстояние злодей не подойдет к дому.

Громким голосом «отворачивали» от села градовые тучи, защищали поля от ведьм и т.д.

То же значение приписывали иногда и говорению. Так, в разных славянских традициях рассказывание некоего длинного текста (истории, сказки и др.) могло, по поверью, защитить человека от нечистой силы. В сказке «Колобок», возможно, именно длинный текст, произносимый главным героем, послужил причиной, почему Колобок не был съеден сразу.

Остановимся на этой сказке поподробнее.

МАГИЧЕСКАЯ СИЛА СЛОВА, ИЛИ «ЧТО ЗАЩИЩАЛО КОЛОБКА»

Как помним, бабушка печет колобок, а он убегает: «Покатился с окна на лавку, с лавки на пол, по полу да к дверям, перепрыгнул через порог в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота, дальше и дальше». Покатившись, он встретил сначала зайца, затем волка, потом медведя, и все они хотели съесть колобка, но от всех он защитился одной и той же песней:

Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане ряжон,
Да в масле пряжон,
На окошке стужен.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел.
От тебя, зайца, не хитро уйти.

Затем в песенке добавляется последовательно: «От волка ушел», «От медведя ушел». Лиса же взяла обманом, не дала ему спеть песенку, и Колобок был ею съеден.

Почему же его не съели раньше? Что делало его недоступным зайцу, волку, медведю? Что защищало Колобка от прожорливых зверей?

Таким защитным средством, надо полагать, была именно песенка, в которой излагалась вся последовательность действий, вызвавших появление Колобка на свет, описывалась поэтапно вся недолгая его жизнь. Нехитрая песенка была по сути дела **заговором**, удлинявшимся по ходу сказки после встречи с разными животными (сила заговора, удлиняясь, увеличивалась, помогала Колобку последовательно избегать все более и более крупных врагов). Текст заговора выражался в **«тексте творения»**, который, согласно народным представлениям, имел магическую оборонительную силу. Почему? Да потому, что в фольклоре и народной практике бытовало множество аналогичных текстов, описывающих жизнь-житие и «муки» льна, конопли, жита, превращающихся из растений в полотно, холст, испеченный хлеб. Тексты такого рода, как свидетельствуют народные повествования и былички, защищают рассказчика от нечистой силы, грозы, грома, смертельной беды, болезни и подобных напастей. Например, в одной быличке вурдалак преследовал девушку, стал ломиться к ней в дом. Однако мать на каждое требование его открыть дверь отвечала последовательно, что дочь сеет лен, потом дергает его, мнет, чешет... Так продолжалось до первого пения петуха, после

которого вурдалак исчез на кладбище и больше не появлялся.

Славянские женщины разгоняли градовые тучи пением песни-заговора, содержащей описание мук и страданий пшеницы (т.е. превращения ее в муку), разделывании теста, печения в огненной печи и т.д. Полагали, что еще лучше петь о муках конопля, т.к. считалось, что нет в мире растения, которое бы претерпевало большие мучения. Бог же, услышав об этих муках, сжалится и не обрушит град на землю.

Что же касается мук хлеба, который сеют, жнут-режут, вяжут (в снопы), бьют (цепами) и молотят, мелют, квасят, мнут (месят тесто), обжигают (в печи), то эти муки делают хлеб столь магически могучим, что он может одолеть черта. Существуют сказки, где хлеб рассказывает черту о своих мучениях, о своем превращении из зерна в муку, из муки в хлеб, так говорит о депотизме своего хозяина, что черт, испугавшись, сразу же отказывается от своих козней в адрес хозяина и поправляет содеянные пакости. В связи с тем, что Колобок — тоже хлеб, печное изделие и претерпел те же «муки», уже одно это делает его магически могучим. Вдобавок этот «маг» имеет свое заклинание.

Вспомним выход Колобка — «из дверей через порог в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор...». Дробная последовательность и детализация начала пути имеет свою параллель в русских заговорах, например: «Стану я, раб Божий, (имярек), пойду из дверей дверьми, из сеней сеньми, из ворот воротами, выйду далече в чисто поле...» или: «Встану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду, перекрестясь, умоюсь утреннею росой и пойду из избы в двери, из дверей в ворота...». Магичность этих слов в заговорах не вызывает сомнений (они направлены против икоты, порчи, уронов, осуда, сглаза и др.), в «Колобке» же они имеют задачу охарактеризовать необычность, магичность самого Колобка.

Колдовская сущность Колобка подчеркивается его песенкой. Лиса же оказалась, если можно так выразиться, более сильным «колдуном», на которого песенка-заговор не подействовала и Колобок был съеден. Заметим, что Лиса не дала возможности допеть Колобку песенку до конца.

«ОН СЛОВО ВОЛШЕБНОЕ ЗНАЕТ...»

Знание героем сказки правильного текста (в отличие от других персонажей, которым «словесная формула-ключ» неизвестна) во многих сказках сулит герою удачу, победу, власть над волшебным существом или предметом.

Знание, что надо произнести и как это сделать, либо дано герою сказки (народной или ав-

торской — в данном случае неважно) изначально — «Избушка-избушка, встань ко мне пере- дом...», «Свет мой зеркальце, скажи и всю правду доложи...»; либо помощники сами посвящают его — «Тебе надо будет сказать: “Сивка-бурка, вещая каурка...”, или «По щучьему велению, по моему хотению...», «Сим-сим, откройся!», в авторской сказке: «Лети, лети, лепесток, через запад на восток...» и т.д.). Незнание словесного «пароля» обращения с волшебными вещами оборачивается бедой. Вспомним сказку «Горшочек каши»: «Стоит сказать “Раз, два, три, горшочек, вари!” — и он начнет варить вкусную кашу». Заветные слова — как остановить горшочек — знала только девочка, и когда ее мать, в отсутствие дочери, сама взялась варить в волшебном горшочке, не зная «волшебного слова», то дело обернулось бедой.

«ИМЕНИ ТАЙНАЯ ВЛАСТЬ»

Имя — это тоже слово, обозначающее конкретную личность.

О важности имени в традиционной народной культуре говорят такие стереотипные формулы, как «Именем Господа клянусь», «Не поминай имени Бога всуе» и т.д.

Что касается имени человека, то считалось, что именно оно предопределяет личность и намечает некие границы ее жизни. «По имени — и житие».

Исторический опыт показывает, что в имени виделась «формула личности», ключ к складу и строению личного облика, а не просто пустая кличка, условно присоединенная к его носителю.

В народной традиции мы встречаем некую типологию личных имен — определенным именам соответствуют одни и те же типы, и в смысле психологического склада и нравственного характера, и в смысле жизненной судьбы и линии поведения. Верили в некое «предуказание» именем судьбы и биографии человека. Пословицы и поговорки об именах, нередко едкие дразнилки, частушки, иногда песни отмечают такие признаки влияния имени. Одним из памятников такого рода является «Реестр о дамах и прекрасных девицах», печатавшийся в свое время на русских народных картинках при соответственном изображении. Вот этот «реестр»:

Постоянная дама Варвара.
С поволокою глаз Василиса.
Веселый разговор Аграфена.
Песни спеть Дарья.
Взглянет, утешит Арина.
Промолвит — накормит Марина.

Обещать не солгать Софья.
Черные глаза Ульяна.
Красные румяна Маланья.
Хорошая походка Настасья.
Приятна в любви Наталья.
Лукавый разговор Татьяна.
Веселая беседа Маргарита.
Низкие поклоны Вера.
Проста без лукавства Мавра.
Наварные щи Анисья.
На смех поднять Катерина.
В хорошей юбке Антонина.
Винца испить Аксинья.
С молодцами гулять Матрена...

(Русские нар. картинки Т. 1,
СПб., 1900, ст. 104, рис. 123.)

Подобного рода таблицы имен встречаются и в лубочных изданиях других народов. Можно быть уверенным, что исторические корни таких изданий питаются какими-то традициями. Этот реестр — выразитель опыта, сгущенного многими поколениями.

Как равным образом несколько задумываются об имени противоположной стороны при возможности брака юноша и, еще более, девушка, так родители взвешивают, какое имя дать ребенку.

Обычно ребенку имя давали при крещении, в честь святого, память которого приходится на следующий день после рождения или на 8-й день. Девочкам имена давали по этому же принципу плюс падающий на 9-й день до рождения, т.к. женских имен было в святках меньше. Отмечались не дни рождения, а именины, т.е. день своего имени. Иногда давали возможность самому новорожденному выбрать для себя имя. Для этого имена проговаривали над лежащим младенцем и смотрели на его «реакцию». Если при произнесении какого-либо имени ребенок «давал знак» — взмахивал ручкой, шевелился, издавал звук, то именно это имя и выбиралось, так как ребенок лучше знает, какое имя — «его». Считалось, что неправильно данное имя может войти в некий диссонанс с его носителем, мешать ему (не здесь ли кроется стремление многих писателей или общественных деятелей брать псевдоним, или священников при посвящении менять мирское имя?).

Были приметы: если священник даст крещаемому имя преподобного, это обещает ему счастливую жизнь, а если имя мученика, — и жизнь будет одно сплошное мучение. Считалось, что раскрыть имя ребенка до крещения — тяжкий грех, который может повлечь за собой смерть новорожденного. Нельзя было также давать ребенку имя умершего ребенка, чтобы он не повторил его судьбу — тоже не умер. И наоборот,

можно было наречь именем умершего деда или бабушки, если они были счастливы и удачливы: судьба наследуется через поколение.

Уменьшительные, ласкательные. уничижительные, насмешливые, бранные, житейские и прочие видоизменения каждого имени надлежит понимать как различные приспособления данного имени к оттенкам отношений. Менялось имя и в зависимости от возраста: если в детстве ребенок — Ванюша, Ванятка, то отроком — Ваня, возмужав — Иван, а в зрелости — Иван Иванович.

«КАК ЗВАЛИ ЗОЛУШКУ?»

Итак, в традиционном мировоззрении не проводилось различия между именем и самим человеком, его носящим. Имя являлось существенной частью человека, даже его душой. Имя было эмблемой личности, знаком человека. «Это самое глубокое из словесного, поскольку (в отличие от просто слов) имеет дело с конкретным данным существом», — писал Павел Флоренский.

На этом базировалось поверье, что начинающего вора можно исправить, достаточно только выкрикнуть его имя над кипящим котлом с целебной водой, прикрыть котел крышкой и на несколько дней оставить имя вора в воде. При этом нет ни малейшей необходимости, чтобы о манипуляциях, которые проделывают с его именем, был осведомлен сам вор. Нравственное возрождение ему и так обеспечено. (Современные экстрасенсы с помощью фотографии и знания имени человека берутся вылечить от алкоголизма, наркомании, игровой зависимости и многих других болезней.)

Имя нужно было беречь, т.к. оно служило источником цельности, силы его носителя, в конце концов — счастья. Каждый раз, когда имя произносят, оно как бы изнашивается. А раз имя теряет силу, то и сам человек, это имя носящий, силу утрачивает. Например, был обычай на старость лет выбирать себе новое имя, чтобы обрести новые силы. Существовал обряд смены имени ребенку, если с ним не все хорошо или он часто болеет.

Считалось, что через имя оказать магическое воздействие так же легко, как через самого человека или его часть. Поэтому к имени и относились как к части тела — руке или зубу. Нужно было проявлять об имени надлежащую заботу. А именно, существовал обычай изменения или сокрытия собственных имен, чтобы не дать в руки недоброжелателю (колдуну, нечистой силе, злему человеку) оружие против себя. «Узнав имя, враг использует его во вред вам». Счита-

лось очень плохой приметой услышать, как тебя окликают. Если человек оказался ночью на перекрестке или на кладбище, а также находится в опасном состоянии (больной, беременная женщина, роженица) и вдруг слышит неведомый голос, окликающий его по имени, он ни в коем случае не должен отзываться: этот голос может принадлежать нечистой силе, ибо порча носится в воздухе и ищет жертвы. Слышать произносимым во сне свое имя — тоже плохая примета, предзнаменующая смерть или неудовольствие.

Поэтому кроме настоящего (первичного) имени, даваемого при крещении, в обиходе бытовало еще и имя вторичное, его называли банное, личное, прозвищное. Считалось, что оно уже не является частью самого человека, так что его можно без опасения разглашать, не рискуя безопасностью называемого лица. Особенно оберегали детей (и сегодня в домашнем обиходе многие родители изменяют имя собственного ребенка либо вместо имени обращаются к нему «Зайчик», «Котик», «Рыбка» и т.д. Кстати, таким приемом изменения имени пользуются и влюбленные).

Вторичное или «банное» имя ребенку давали по разным принципам:

- очередности рождения: Первак, Третьяк (потом эти прозвища становились фамилиями);
- внешности: Чернавка, Беляк, Малюта, Толстой (в сказках — Одноглазка, Трехглазка, Неумойка);
- характера: Булгак (беспокойный), Молчан, Смеяна (сказочные — Царевна Несмеяна, а также Рукодельница и Ленивица);
- были имена Голуба, Ждан, Суббота, Постник, Ползун, Дыбок;
- детей, рожденных вне брака, называли Капустничек, Богдан (Богом данный), Праздничек (зачатый в праздник), Нечай;
- чтобы нечистая сила не польстилась на ребенка, могли дать «защитное» имя — непривычное, отпугивающее, некрасивое («Обмануть злого духа, чтобы не соблазнился и не утащил ребенка к себе») Некрас, Немил, Невзор. Если ребенок часто болел, давали просто «страшные» имена Червяк, Щенок, Муравей;
- мальчики, начинающие помогать отцу боронить землю в период пахоты, вообще все звались одинаково — Бороноволок.

Традиция сокрытия первичных имен отразилась и в сказках, особенно тех, где главные герои — дети. Потому, к сожалению или к счастью, мы никогда не сможем ответить на вопрос, вынесенный в название раздела, как по-настояще-

му звали Покатигорошка, Лутонюшку, Красную Шапочку, Золушку или Мальчика-с-пальчика...

Из всего многообразия тем, которые можно поднять в разговоре о «великом, могучем, правдивом и свободном» языке, мы выбрали лишь один аспект — сакральное отношение в традиционной русской культуре к слову и его составляющим — букве, голосу, звуку.

Нужно отметить, что отношение это было не просто важным, а глубоким, вдумчивым, чутким. Анализ бытовавших представлений, предложенный в этой статье, прояснил нам некоторые стороны мировосприятия русского народа.

**То ловишь отзвук древнего напева,
То говор поздних дней.
И слово состоит, подобно древу,
Из веток и корней.
Незыблема его первооснова
На много тысяч лет.
Выходит так, что у любого слова
Есть запах, вкус и цвет.
Слова и фразы нижутся, как звенья,
И так растет строка.
И можно различить сердцебиенье
Живого языка.**

(М. Матусовский)

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бурау И.Я. Загадки мира букв.— Д.: Сталкер, 1977.— 448 с.
2. Бурау И.Я. Загадки мира слов.— Д.: Сталкер, 1997.— 447 с.
3. Агапкина Т.А., Левкиевская Е.Е. «Гадание», «Голос», «Голошение»// «Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти т.т. Т.1 А—Г. — С. 484, с. 510—513.
4. Толстой Н.И. «Алфавит» // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти т.т. Т.1 А—Г. — С. 102—103.
5. Русские народные картинки. Т.1. — СПб., 1900, столб. 104
6. Толстой Н.И. Секрет Колобка.// Живая старина.— 1995. — № 3. — С. 41—42.
7. Мадлевская Е.М. Рассказывание сказок в Святки// Русский праздник: праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. — СПб: Искусство, 2001. — 672 с. — С. 477—478.
8. Флоренский П. Имена. — Любое издание.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1984.— С. 650.
10. Даль В.И. Толковый словарь русского языка.— М.: Изд-во ЭКСМО, 2002. — С. 598.